

цензу, що надавав право участі у виборах [7, ст. 27, с. 149 – 150; 6, ст. 18, с.944]. Таке ж покарання наступало, коли виявлялось, що обранці підлягали судові за злочинні дії, в наслідок яких вони позбавлялись права володіти майном, звільнялись зі служби за крадіжку, шахрайство, привласнення довіреного майна, приховання краденого, купівлю, взяття в заставу явно краденого або отриманого через оману майна та лихварство, коли вони судовими вироками не виправдані, якщо б вони після засудження були б звільнені від покарання за давністю; коли їх було усунуто судовими вироками від посади чи коли вони перебували під опікою або були визнані неспроможними, а також позбавлені духовного сану за розпусту чи вилучені з різних товариств або дворянських зборів їхніми рішеннями [7, ст. 27, с. 149 – 150; 6, ст. 19, с. 944; 3, с. 792 – 793].

Таким чином, запровадження законодавчої Державної ради, як і Думи, передбачало необхідні для забезпечення вільного виконання народними обранцями їхніх обов'язків права та переваги, які полягали у свободі промови та у захищеності від простого способу позбавлення волі. Однак ці права не були абсолютними. Під свободою промови розумілась уся сукупність словесної діяльності депутата під час виконання покладених на нього відповідних до цього звання обов'язків. Ця свобода не була безмежною, і її обмеження визначались законом в інтересах збереження гідності представницького органу та успішності його діяльності. Образа певних осіб, брутальна лайка, бійка, заклик до злочинних дій, безпосередня участь у таких діях не звільняли народних обранців від покарання, і перш за все – від позбавлення звання депутата. Подібні законні правила в той час були властиві майже усім конституціям і, не зважаючи на різні редакції відповідних статей, вони переслідували загальну мету: забезпечити депутатам у процесі виконання їхніх обов'язків свободу слова у більших обсягах, ніж вона визнавалась в інших випадках.

Захищеність народних обранців від простого способу позбавлення волі знаходилась ще далі від абсолютності, адже з формулювання цього права впливала наявність і “непростих” способів позбавлення депутата волі. Державні радники, відповідно до цих “непростих” способів, підлягали позбавленню чи обмеженню волі рішенням судової влади за умови попередньої згоди палати. Суд мав право позбавити депутата волі і без попереднього дозволу палати у разі затримання його під час скоєння ним злочинних дій.

Одночасно з цим в Російській імперії залишалось чинним і після виникнення народного представництва запроваджене ще 14 серпня 1881 р. “Положення про заходи з охорони державного порядку та громадського спокою”, яке розповсюджувалось і на державних радників та депутатів Думи. Це було положення про надзвичайні заходи.

Отже, оновлене революцією державне законодавство Російської імперії суттєво відрізнялось від постанов конституцій іноземних держав з тих же питань і зовсім не мало за мету встановити “недоторканість” депутатів та звільнення їхньої діяльності з виконання обов'язків, що покладалась на них цим званням, від будь-якого впливу верховної виконавчої влади. Ці закони лише встановлювали певні точно визначені спеціальні права російських депутатів, якими вони користувались, на відміну від інших підданих, до тих пір, доки перебували у званні членів Державної ради чи Думи.

Джерела та література

1. Ленин В.И. Политические партии России // Ленин В.И. ПСС. – Т. 21. – С. 275 – 287.
2. Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу в Государственной Думе // Ленин В.И. ПСС. – Т. 15. – 127–160.
3. Положение о выборах в Государственную Думу (3 июня 1907г.) // Законодательные акты переходного времени 1904 – 1908 гг. – Спб.: Право, 1909. – С. 790 – 940.
4. Положение о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия. – 14 августа 1881 г. // 3-е ПСЗ. – Спб.: Гос. Тип., 1885. – Т. 1. – С. 261 – 265.
5. Стенографический отчет Государственной Думы. – Созыв 1. – Сессия 1. – Т. 1.
6. Учреждение Государственной Думы 20 февраля 1906 г. // Законодательные акты переходного времени 1904 – 1908 гг. – С. 941 – 957.
7. Учреждение Государственного Совета 24 апреля 1906 г. // Конституция Российской империи. – Спб.: Экон. тип., 1907. – С. 144 – 171.
8. Учреждение Государственного Совета 30 марта 1901 г. – Спб.: Гос. тип., 1901. – С. 7 – 60.
9. Фон-Резон А.К. Об особенных правах выборных членов Государственного Совета и членов Государственной Думы // Журнал министерства юстиции. – 1909. № 7. – С. 1 – 67. – № 8. – С. 65 – 128.

Королёв В.И.

ИСТОРИЯ ПОЛИЦИИ КРЫМА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Обращение к этому вопросу диктуется не разработанностью данной темы, поэтому автором ставится задача привлечь к ней внимание исследователей и наметить пути ее разрешения. Актуальность и научная новизна несомненно налицо, что показывается дальнейшим повествованием.

Во многих историко-правовых исследованиях царскую Россию называли полицейским государством, однако история самой полиции в национальной литературе остается почти неразработанной. Этой проблеме посвящено лишь несколько работ, не больших по объему и предназначенных для учебных целей. [1]. Между тем она приобретает актуальность и представляет научный интерес, особенно сегодня, когда в ходе становления и развития Украины как независимого и демократического государства формируется система органов национальной милиции. Особое, на наш взгляд, и немалое внимание вызывает исследование деятельности правоохранительных органов прошлого на региональном уровне. Тем более в Крыму, где развитие исторического процесса в конце XIX – начале XX вв. имело (как впрочем, и ныне имеет) ярко выраженные особенности.

Здесь происходили события, имевшие резонанс не только у всероссийской, но и мировой общественности: к примеру, акт воинского неповиновения на броненосце «Потемкин Таврический» в июне, массо-

вые еврейские погромы – в октябре, бунт «очаковцев» – в ноябре 1905 г. и др. До 1912 года Крым являлся ссыльным краем, куда до и после первой российской революции отправлялись лидеры и функционеры различных оппозиционных и национальных партий как регионального, так и всероссийского уровня. Неслучайно, в Крыму в двух городах были учреждены наряду с крупными промышленными центрами страны органы политического сыска. Сюда тянулись, особенно в курортное время, уголовные элементы. По данным переписи 1897 г. Таврическая губерния занимала одно из первых мест в империи по национальной пестроте своего населения, что, как и ныне, добавляло сложностей к работе правоохранительных органов. Порты в приморских городах Крыма и Северной Таврии открывали каналы поступления контрабандной продукции, революционной литературы и оружия для осуществления террористических актов. Наличие такого крупной боевой единицы царской армии, каковой являлся Черноморский флот и прибрежные сухопутные части, которые всегда находились в прицеле работы революционных формирований, требовало достаточного профессионального опыта и напряжения сил органов политической и общей полиции. Надеемся, продолжать эту серию аргументов для доказательства высказанного нами положения нет надобности.

Изучение истории полиции Крыма приобретает определенную актуальность и в связи с тем, что наш край в начале прошлого века относился к числу наиболее нестабильных в политическом отношении в стране. И ныне, как впрочем и в начале XX столетия, здесь неоднократно возникала социально-политическая напряженность и даже предпринимались национал-радикалистские действия (вспомним стычки крымских татар с сотрудниками органов правопорядка в Симферополе в 1997 г.), имели место парламентские и правительственные кризисы (чаще в Крыму, нежели в масштабе страны). На памяти крымчан «деятельность» крупных криминальных формирований в 90-х годах. Поэтому есть смысл обратиться к историческому опыту, к примеру, принятия адекватных действий правоохранительных органов для сохранения политической стабильности и общественного порядка в отдельно взятом регионе.

Насыщенные важными событиями годы на рубеже позапрошлого и прошлого веков, которые по праву относятся учеными к числу переломных, представляют особый интерес как точки зрения, что каждый период истории Крыма приобретает самоценность как объект исследования, так и со стороны необходимости углубленного изучения отдельных исторических «отраслей», в данном случае – истории правоохранительных органов.

Разумеется, для выполнения намеченной цели должны быть задействованы методы научных гуманитарных исследований: историческое сопоставление, логическая последовательность, научный объективизм и историзм, системный подход и т.д.

Для подготовки публикаций по теме в первую очередь следует привлечь документальные материалы, прежде всего, Государственного архива АРК. В нем имеются несколько фондов органов общей и политической полиции, в частности: 706 – «Таврическое губернское жандармское управление», 555 – «Керченское жандармское управление», 556 – «Севастопольское жандармское управление», 770 – «Таврическое губернское охранное отделение», 816 – «Севастопольское охранное отделение» и др. Кроме того, некоторые данные можно почерпнуть в фондах органов общей полиции: 197 – «Симферопольское городское полицейское управление», 200 – «Ялтинское городское полицейское управление» и др. Нельзя обойти стороной два таких ценных фондов как 26 – «Канцелярия Таврического губернатора» и 27 – «Таврическое губернское управление», так как губернаторы находились на вершине пирамиды административно-полицейской системы империи.

К сожалению, имеющийся в ГА АРК багаж документов для всестороннего раскрытия нашей проблемы недостаточен. Поэтому, хотя это и сложно ныне по материальным причинам, но обязательно следует задействовать один из самых объемных и ценных собраний документов – фонд 1791 «Главное управление по делам полиции МВД» Государственного исторического архива Российской Федерации (бывший ЦГАОР, Москва). Здесь хранятся не только все циркуляры и распоряжения полицейского ведомства, но и систематизированные им с мест сведения, позволяющие сделать выводы о деятельности крымских полицейских органов и к тому же в сравнении с подобными подразделениями других регионов государства. Тем более что Департамент полиции жестко требовал, как можно точнее давать информацию не только о политических настроениях населения и проявлениях работы оппозиционных режиму организаций, но и о состоянии дел в низовых подведомственных органах, о выполнении мер по повышению эффективности их работы.

Думается, нужные документы по данной теме могли осесть и в Центральном государственном историческом архиве Украины (г. Киев). Будущим исследователям могут быть интересны такие его фонды как 268 – «Южное районное охранное отделение» или 705 – «Юго-Восточное районное охранное отделение» и др. Поскольку в военном отношении крымские органы полиции, как и командование Черноморским флотом и сухопутных частей, включались в сферу командования Одесского военного округа, то, возможно встретить интересующие нас материалы в фондах: 41 – «Одесское жандармское управление», 347 – «Одесский военно-окружной суд», 419 – «Прокурор Одесской судебной палаты» и др.

Ценным первоисточником, особенно для изучения криминальной ситуации в крае, должны стать периодические издания. К большому сожалению, в Крыму в фондах государственного архива, республиканского краеведческого музея и в музейных собраниях городов полуострова их сохранилось немного. Лучшими и объемными коллекциями крымских газет и журналов рассматриваемого периода обладают государственная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге и газетный фонд библиотеки им. Ленина (г. Химки). По возможности ими непременно нужно воспользоваться.

Не стоит забыть ранее опубликованных в разные годы сборников документов и материалов, таких как «Революционное движение в Крыму (1880–1907 гг.)» (Симферополь, 1940), «Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг.» (Симферополь, 1955) и др., в которых содержатся вкрапления сведений о работе полицейских органов в нашем крае. В библиотеке «Таврика» Крымского республиканского краеведческого музея имеются «Справочные книги Таврической губернии» за несколько лет начала

XX в. В них можно почерпнуть информацию не только о количестве руководящего состава, но и о размещении в крае полицейских органов.

С мемуарной литературой дело обстоит еще хуже. Всего несколько сотрудников полиции оставили после себя воспоминания. К примеру, служивший в Крыму штабс-ротмистр, а впоследствии известный в стране жандармский генерал А.И. Спиридович приводит немного сведений о своей службе на полуострове, но его «Записки жандарма» хорошо передают обстановку и условия работы политического сыска в тот период.

Приложив немалые усилия и по крупицам собрав необходимые материалы, можно осветить деятельность объекта исследования – административно-полицейского аппарата Крыма, научные изыскания по истории которого до настоящего времени отсутствуют. В работах, посвященных истории Крыма, Украины и России периода второй половины XIX - начала XX вв. встречаются лишь отдельные упоминания о полицейских органах Таврии.

В советской литературе действия губернской администрации, общей и политической полиции касательно попадали в описание революционного времени, но всегда в негативном плане. Пролетарские историки в оценке административно-полицейского аппарата самодержавия придерживались взглядов своих предшественников – собратьев по перу, которые в листовках 1905 г. называли блюстителей общественного порядка не иначе как "жандармско-полицейской сволочью", "царскими коршунами", "прислужниками всероссийского трона" и т.п. Со временем поколение историков-мемуаристов сменилось основательно заидеологизированными профессионалами, "уличные" эпитеты исчезли, а пренебрежительное отношение к органам правопорядка империи осталось [2]. Поэтому большее внимание следует уделять работе в архивах и библиотечных фондах непосредственно с документами органов общей и политической полиции дабы не пойти в след политическим предпочтениям предыдущих исследователей.

Необходимость написания работ по истории полиции диктуется и тем, что исследования советского периода показывали действия полицейских учреждений не только тенденциозно, но и искаженно. Приведем несколько примеров. Кандидат исторических наук Ф.Кунцевич так описывал события 1905 г. в Крыму: "18 октября в Симферополе... вооруженные банды черносотенцев напали на митинг (еврейских революционеров - В.К.) и стали избивать безоружных людей. Боевая рабочая дружина попыталась отразить нападение черносотенцев, но **на помощь** бандам пришла полиция... 20 октября в Феодосии в здании городской управы происходило собрание представителей революционного населения. Черносотенные банды **при помощи** полиции окружили здание и подожгли его. В результате много участников сгорело заживо. Вслед за этим черносотенцы и **полиция устроили погром**... В те дни в Севастополе была создана народная милиция, которая взяла охрану порядка в городе в свои руки» (Выделено нами – авт.) [3].

В приведенном отрывке просматривается ряд извращений, рожденных установками сталинского «Краткого курса ВКП (б)». Следуя утверждениям революционных прокламаций того времени, историки 20-50-х годов также перекладывали вину за организацию погромов на полицию и ярых приверженцев старого режима. В действительности и в Симферополе, и в Феодосии полицейские не занимали сторону монархически настроенных сограждан, а черносотенные организации в то время в Крыму еще не оформились. И в том, и в другом случае полиция встала на защиту революционного меньшинства, и если бы не оперативные и слаженные действия феодосийского наряда полицейских и воинской команды, то группа революционеров сгорела бы в здании управы, но такой развязки конфликта силовые формирования не допустили.

Справедливости ради следует отметить, что в Феодосии несколько чинов полиции по собственной инициативе, исходя из своих убеждений в те дни пытались создать боевую дружину для противодействия революционерам. Вопреки устоявшемуся в литературе мнению, на основе многочисленных, изученных нами архивных материалов, мы утверждаем, что такой факт провокационных действий и потворства погромщикам был редкостью. Неслучайно 11 из 21 полицейских за содействие погрому на следующий день были уволены со службы. Очевидно, ни о каком «союзе» бандитов и полицейских не может идти речи.

Одновременно в приведенном описании преувеличена роль народной милиции, которая просуществовала всего 2-3 дня и насчитывала вероятно разве что один-два десятка неподготовленных для этого дела дружинников. Кандидат исторический наук Н.Г. Губенко писала о том, что ее создание вызвало "большой отклик в стране и за рубежом"[4]. Вряд ли несколько рабочих патрулей смогли бы навести порядок в городе, где тысячи людей вышли на улицы.

Таким образом, предполагаемое научное исследование откроет новую страницу крымской истории, которой еще не касалась рука исследователя, т.е. научная новизна и актуальность его не вызовет никаких сомнений. Оно будет способствовать пониманию ныне происходящего реформирования правоохранительных органов в период развития независимой Украины. Непременную пользу оно принесет при подготовке специальных кадров в высших учебных заведениях системы Министерства внутренних дел, а также пополнит багаж исторических знаний сегодня и в дальнейшем работающих сотрудников. В этом будет просматриваться и практическое значение предполагаемого научного исследования. Эта добротная выполненная работа будет интересна и широкому кругу всех интересующихся историей нашего края.

Источники и литература

1. Тютюник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революцией 1905–1907 гг. /В кн.: Самодержавие крупного капитала в России в конце XIX-начале XX вв. – М., 1982. – С. 98-112; Ярмыш А. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX-начале XX вв. – К., 1992 и др.
2. Губенко Г.Н. Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. – Симферополь, 1955.
3. Кунцевич Ф. Революция 1905–1907 гг. в Крыму. – Симферополь, 1955. – С.18.
4. Губенко Г.Н. Указ. соч. – С. 12.